

Российская Академия Наук
Институт философии

Синергетическая парадигма

**Социальная
синергетика**

Прогресс-Традиция
Москва

Б. Н. Поызнер

Незаметное присутствие: репликация в социокультурных процессах и в их схемах

Вероятно, стоит различать два мимезиса: активный и пассивный, подражание, подменяющее собой, вытесняющее из бытия свой объект (и, значит, удаляющееся от него), и мимикрию, сливающую имитатора с объектом.

И. П. Смирнов. Философия на каждый день. 2003

Чем порожден высокий познавательный потенциал синергетики, ее системный эффект и методологическое очарование? Г. Г. Малинецкий подчеркивает, что в пространстве науки синергетика лежит на пересечении трех сфер: предметного знания, философской рефлексии, математического моделирования. Но синтез перечисленных составляющих синергетики — не только задача тройной сложности. Особая трудность состоит в том, чтобы создать равновесие, гармонию трех компонентов. В современной практике исследователи нередко «жертвуют» одним из слагаемых [1, с. 13–15].

Для синергетики социокультурных явлений один из источников предметного знания — доктрина П. А. Сорокина [2, с. 72–89]. В ней примат отдан, как сегодня бы сказали, социальной синергии: «Вся общественная жизнь и все социальные процессы могут быть разложены на явления и процессы взаимодействия *двух* и большего числа индивидов» [3, с. 140]. Архитектонику теоретической социологии, построенную П. А. Сорокиным (1920), составляют аналитика, механика и генетика. По его замыслу, социальная генетика должна давать объяснения линиям развития социальных институтов [3, с. 94]. Логично считать, что от нее ведет свою родословную и социальная синергетика.

Цель работы и терминология. Мы попытаемся показать, что гармоничному синтезу трех сфер науки, о котором говорит Г. Г. Мали-

нецкий, в некоторых исследовательских сюжетах способствовало бы обращение к понятию репликации. Используемый в молекулярной генетике термин «репликация» (либо «ауторепликация», «редупликация») означает создание себе подобной структуры. Соответственно, «репликатор» — самовоспроизводящаяся, устойчивая, целостная информационная структура, способная к изменчивости и к случайному отбору [4, с. 204]. Иначе говоря, репликатор — объект, побуждающий определенные среды его копировать (Д. Дойч). В ходе самовоспроизведения проявляется конкуренция за ресурс репликации.

Чем привлекателен репликационный подход? Репликация — универсальный феномен: она возможна не только в биологических объектах, но и в некоторых неорганических системах. В обществе репликаторами оказываются дискретные единицы («кванты») социокультурных процессов [5]. Репликаторы являются инициаторами, агентами процесса самоорганизации, объясняемого по классической схеме И. Пригожина и И. Стенгерс «порядок из хаоса» (подробнее об этом мы писали в статье [6]).

Чем более сложной и многомерной является система, тем существеннее для ее эволюции репликационные феномены [4; 7–10]. Отличительной чертой нашего социума служит знаковое поведение людей. Очевидно, что оно основано на репликации: «Осознанное знаковое поведение является частью единого информационного поля культуры» [11, с. 246].

Как известно, фундаментальная стадия в развитии знакового поведения — создание письменности. Она делает процедуру репликации наглядной, а ее результат — долговечным. Такое самовоспроизведение, укрепляя социокультурную память, обеспечивает функцию отрицательной обратной связи: оно минимизирует отклонения от канонов, зафиксированных письменно и аккумулированных в одном месте. Текстовая репликация концептуальных моделей, несомненно, более надежна, чем обрядовая (ритуальная). Я. Ассман, исследуя механизмы культурного воспроизводства в древности, заключает: «Для создания культурной когерентности повторение и интерпретация суть функционально эквивалентные процессы» [12, с. 95].

Другой сюжет, где продуктивно понятие репликации, — коммуникация. Э. Сепир подчеркивает (1931): базис коммуникации — самовоспроизводство социокультурных форм. «Общество — указывает он — только кажется статичной суммой социальных институтов: в действительности оно изо дня в день возрождается или творчески воссоздается с помощью определенных актов коммуникативного характера, имеющих место между его членами» [13, с. 210]. Однако такая — минимальная по масштабу — репликация структур не обрекает общество на

простое движение по кругу. Анализируя важнейшие теории социокультурной эволюции, Н.А. Хренов констатирует: «В истории происходит постоянное чередование периодов детерминированных, стабильных, стационарных и периодов нестабильных, демонстрирующих неустойчивость, неуравновешенность, отсутствие детерминизма» [14, с. 18]. «Русский маятник» в иных планах описывают и другие социологи [15; 16, с. 484–490; 17, с. 169–228].

Постоянство этого чередования дает основание видеть в нем проявление репликации некой — максимальной по масштабу — многомерной информационной целостности. Ее самовоспроизводство вызвано свойствами человеческого сообщества, образованного взаимодействием множества людей, а они объединены в многообразные социокультурные системы: государства, федерации, экономические, религиозные и прочие организации. Существенным свойством здесь оказывается нелинейность всемирной социокультурной среды. О.Н. Астафьева связывает с ней «нелинейность развития глобализации» и подчеркивает, что последняя, в свою очередь, «задает современному социокультурному развитию сильную нелинейность» [2, с. 153]. Вероятно, в данном контексте один из интегрирующих репликаторов можно выявить, используя категорию В.Б. Мириманова «императив стиля». Он считает, что теперь «консолидирующую функцию берут на себя глобальные инфраструктуры современной цивилизации, которые все больше переходят в состояние самодостаточности инфраструктуры» [18, с. 9].

Возможно ли с помощью репликаторов моделировать многомерную природу процессов самоорганизации в реальных системах? Да. Дело в том, что логической моделью акта репликации служит операция: «если A , то B ». Здесь A — некоторые условия, B — предпринимаемые в них действия либо новые условия. Модели ветвящихся и сетевых процессов репликации можно строить, например, средствами теории графов [19, с. 321]. Дальнейший прогресс моделирования, по нашему мнению, связан с привлечением математического аппарата, построенного В.А. Лефевром [20] для описания автоматизма принятия моральных решений. Автоматизм, очевидно, — один из типов репликации. Применимость логико-математического моделирования к репликационной динамике в системах есть принципиальное преимущество, в плане триединства синергетики, о котором шла речь выше.

«Репликация» — концепт под многими псевдонимами. В начале XX в. русские гуманитарии указывают на репликационный аспект культуры. Например, Вяч. Иванов определяет культуру как «творчество преемственного» (1907) [21, с. 162]. Фактически гуманитарии оперируют понятием репликатора в самых разнообразных контекстах — обычно

когда описывают некую образно-смысловую конструкцию. Так, в этнографии репликатором оказывается любая традиция. Над отношением непрерывности/дискретности в культуре размышляет, вероятно одним из первых, Андрей Белый (1909) [22]. У него в дефинициях культуры вторым элементом этой оппозиции выступают (в его терминологии) «нормы культуры». Согласно Белому, в противоположность содержанию и форме культуры «нормы культуры универсальны».

Более определенное высказывание находим у Н.М. Бахтина в его «демонологии культуры» (1928). Он делает ударение на том, что культура — «сложная и многообразно расчлененная система неумолимых принуждений». В ней проявляют свое господство «многочисленные демоны основных норм, ценностей, верований, логических законов, — древле зачатые и взращенные человеком и властвующие над ним с незапамятных времен» [23, с. 43, 45]. И в этой концепции репликатор — единица принуждения. В социологии русских формалистов репликатор — литературный быт и литературное поведение, трактуемое Б.М. Эйхенбаумом (1929) как «практика письма в контексте существующих литературных институций» [24, с. 222].

В описаниях социокультурных явлений репликатор фигурирует под различными именами: паттерн культуры (у Р. Бенедикт, 1934) или культурный паттерн (у А. Кребера, 1944) [5]; «мем» (иногда переводится «мим») в «меметике» Р. Докинза, 1976 [4, с. 141], а также у Р. Онгера [25]; «культурген» (у К.Дж. Ламсдена и Е.О. Уилсона, 1981); культурный образец (у Н.С. Розова [26, с. 35–43]), т.е. объект в сфере культуры, с которым люди соотнобразуют свое мышление и поведение при решении стандартных проблем; «стиль жизни» (по М. Дингесу, это «сравнительно устоявшийся тип решений, принимаемых индивидами или группами, делающими выбор из предлагаемых им обществом вариантов поведения» [27, с. 105.]). Репликатором оказывается также *habitus* — термин М. Мосса [28, с. 66]. Его семантику дополнил П. Бурдьё, назвав так «системы (...) структурированных структур, предназначенных для функционирования в качестве структурирующих структур (т.е. в качестве принципов, которые порождают и организуют практики и представления (...) и не требуют особого мастерства) (...). При этом они могут исполняться коллективно, не будучи продуктом организующего действия дирижера» [29, с. 17–18]. В технетике репликатор не только предприятие как система, функционирующая техника, технология, сырье, продукция, отходы и т.п., но и техноценоз (от др.-греч. *κοινος* — общий; *κοινη* — сообща, вместе) как целостность, которая самовоспроизводится в социоприродной среде [30, с. 81]. В археологии репликатор — элементы техноценоза [31, с. 106–114].

Доминирующий репликационный смысл носят такие концепты, как «языковые игры» у Л. Витгенштейна, «фоновые практики» у М. Фуко,

«фреймы» у М. Минского, Гр. Бейтсона, И. Гофмана и «прецедентные феномены» у социолингвистов. «Языковой игрой, *Sprachspiel*, называется суммарное целое языка и деятельности, с которыми он переплетен», причем обязательно имеются наборы правил (либо конвенций), устанавливающих, какие ходы (не) дозволены, (не) удачны и т. д. В этом контексте Л. Витгенштейн акцентирует существенное различие «не между языком и действительностью, а между *шутя* и *всерьез*» [32, с. 505]. Согласно разъяснению комментатора, «как и витгенштейновская "игра", фоновая практика является дополняющим, анонимным, социально санкционированным набором правил, который управляет манерой восприятия, суждения, воображения и действий индивида» (обычно эти правила воспроизводятся им машинально). Функция фоновой практики — устанавливать стандарты нормального поведения и проводить различия между истинным и ложным [33, с. 51]. Фрейм, по М. Минскому, есть «структура знаний для представления стереотипной ситуации» [34, с. 42]. Интерпретируя поведение дерущихся обезьян, Гр. Бейтсон предположил, что они обмениваются метакоммуникативными сигналами, означающими: «это игра» либо, наоборот, это драка «по-настоящему» [34, с. 43]. И. Гофман термином «фрейм» описывает надындивидуальные «социальные порядки» либо ритуалы повседневного взаимодействия, которые до него соотносили с личностным выбором человека [34, с. 7]. Фрейм представляет собой процедурное знание. Подобно фоновым практикам, фреймы не осознаются человеком, а попытки их «экспликации и уяснения приводят к дезорганизации восприятия». Репликационный характер фрейма ясен из перечня его лексических эквивалентов, составленного Г.С. Батыгиным: рамка, схема, план, шаблон, сценарий, гештальт, прототип, парадигма (в языкознании), дисциплинарная матрица (в науковедении). В когнитивной психологии организующие восприятие и память формальные схемы называются кодирующими системами — они позволяют выходить за пределы получаемой информации [34, с. 42].

Известно, что в сознании человека его родная культура существует в форме национального культурного пространства. Иначе говоря, на практике мы имеем дело «с массовым сознанием представителей того или иного национально-лингво-культурного сообщества». «Ядро» культурного пространства составляет когнитивная база — «структурированная совокупность знаний и национально маркированных и культурно детерминированных представлений, необходимо обязательных для всех представителей данного национально-лингво-культурного сообщества». Владение когнитивной базой предопределяет адекватность общения между носителями данного языка [35, с. 10–11].

Среди репликаторов различных типов, содержащихся в когнитивной базе, имеются так называемые прецедентные феномены, хорошо

известные всем, кто составляет национально-лингво-культурное единство: прецедентные тексты, ситуации, имена и высказывания. Прецедентный феномен, присутствуя в когнитивной базе, выступает как общий, обязательный для всех, *инвариант восприятия*. И каждому носителю данного этнокультурного менталитета вменяется в обязанность понимать прецедентный феномен однозначно [35, с. 18].

Прецедентные имена, как и другие феномены, «определяют шкалу ценностных ориентаций национально-лингво-культурного сообщества, формируют набор «героев» и «злодеев», т. е. «отражают и одновременно задают определенную парадигму поведения» [35, с. 16–18, 26]. Не забудем, что человеческое имя и акт имянаращения в целом — сложные по происхождению и социальным функциям репликаторы. Так, продуманный выбор имен для персонажей художественного произведения обеспечивает их семиотическую функцию, но значение таких «сигналов» нередко ускользает от читательского сознания. Вопреки кажущейся произвольности именование обычно обусловлено социокультурными факторами и ценностными предпочтениями автора [36–38]. Богатые возможности углубления репликационного смысла перечисленных концептов и расширения их семантического спектра открывает фрактальная семиотика В.В. Тарасенко. Его аксиоматическая схема объяснения не просто предполагает процедуру воспроизводства, но стоит на принципе: наблюдение и наблюдатель «видят» не феномены и интуиции, понятия и знаки [39, с. 490–493], т. е. именно репликаторы.

В «смыслогенетической культурологии» А.А. Пелипенко репликатор — ритмическая структура, благодаря которой осуществляется «рутинизация» [40, с. 17]; в теории М.Г. Савина это — «культурон», т. е. «космический носитель культуры» [41, с. 172]; в концепции «второй памяти» культуры Г.С. Кнабе — «преобразованное воссоздание» некогда изжитых и на время забытых социокультурных форм [42, с. 4]. А в журналистском изложении социосинергетики — «медиавирус» [43], «психический вирус» [44] и т.п.

В науковедении репликатор — парадигма (у Т. Куна), эстафета (у М.А. Розова [45]), познавательная модель (у А.П. Огурцова, 1970 [46, с. 71.]). Гипотеза К. Поппера и Д. Кэмпбелла о «слепой изменчивости» известной научной идеи [47, с. 101–102] и «меметическая» эпистемология Фр. Хейлигена, Д. Кэмпбелла, Е. Моритца [19, с. 320] предполагают репликацию, а в исторической эпистемологии репликатор — историческое *a priori*, т. е. особое историческое событие [48, с. 14–15].

Заключение и сюжет из герменевтики. Целесообразно ввести в исследовательскую практику социальной синергетики (в релевантных контекстах) трансдисциплинарный концепт «репликация». Для такого шага нет методологических или психологических барьеров: ведь

данным понятием — но под различными названиями — давно оперируют многие авторы. Оно способно служить методологическим посредником между многообразными подходами к социокультурной динамике.

Наш вывод, как и весь текст, — попытка построить некий репликатор. И потому — в порядке самокритики — уместно задуматься о роли репликации ошибок в культуре. Вот случай многовекового воспроизведения ложного перевода. В Послании к римлянам (11:20) апостол Павел призывает обратившихся в христианство римлян не презирать евреев: «не превозносись, но бойся» (*μηψηλοφρονει, αλλααφοβου*). В «Вульгате» св. Иеронима это место переведено так: «*noni altum sapere* [буквально: не мудрствуй высоко], *sed tume* [но бойся]». Но с IV в. на латинском Западе этот пассаж стали понимать превратно: слово *sapere* стали понимать как глагол «познать», а выражение *altum* — как существительное, означающее то, что находится сверху. В результате — пишет К. Гинзбург — «высказанное святым Павлом осуждение нравственной спеси превратилось в порицание умственного любопытства» [49, с. 133]. «Более тысячи лет спустя Эразм, идя вслед за гуманистом Лоренцо Валлой, отмечал, что слова святого Павла относились к пороку моральному, а не интеллектуальному».

Итак, «перед нами — ляпсус, причем ляпсус не индивидуальный, а коллективный, или квазиколлективный». Конечно, «за тем фактом, что увещевание *noni altum sapere* стали понимать как предостережение против запретного знания, скрываются и более глубокие причины» [49, с. 134, 135]. Отсюда — образы Икара и Прометея в эмблематических сборниках XVI–XVII вв. [49, с. 138–139]. Лишь в середине XVII в. происходит смена парадигмы: «сами понятия “риска” и “новизны” рассматривались теперь как ценности позитивные, иначе говоря, соответствующие обществу, которое все больше основывалось на торговле. Возникла новая культура, утверждавшая новые социальные ценности» [49, с. 146].

Не напоминает ли эта ситуация российскую современность? А сущность понятий риска и новизны толкует синергетика...

Литература

1. Малинецкий Г.Г. Предисловие. Через тернии к звездам // Безручко Б.П., Короновский А.А., Трубецков Д.И., Храмов А.Е. Путь в синергетику: Экскурсы в десяти лекциях. — М.: КомКнига, 2005. С. 9–16.
2. Астафьева О.Н. Синергетический подход к исследованию социокультурных процессов: возможности и пределы. — М.: Изд-во МГИДА, 2002.
3. Сорокин П.А. Система социологии. Т. 1. Социальная аналитика: Учение о строении простейшего (родового) социального явления. — М.: Наука, 1993.

4. Эбелинг В., Энгель А., Файстель Р. Физика процессов эволюции. — М.: Эдиториал УРСС, 2001.
5. Чик Г. Единицы культуры // Системные исследования культуры. — СПб.: Алетейя. 2006. С. 109–131.
6. Пойзнер Б.Н., Ситникова Д.Л. Воспроизводство неустойчивости в культуре: репликационный аспект // Синергетическая парадигма. Человек и общество в условиях нестабильности. — М.: Прогресс-Традиция, 2003. С. 479–489.
7. Медников Б.М. Аналогия (параллели между биологической и культурной эволюцией) // Человек. 2004. № 1. С. 5–17; № 2. С. 5–22; № 3. С. 5–20; № 4. С. 28–41.
8. Корогодин В.И. Информация и феномен жизни. — Пушино: Пушкинский НЦ АН СССР, 1991.
9. Луман Н. Общество как социальная система. — М.: Логос, 2004.
10. Мелик-Гайказян И.В. Информационные процессы и реальность. — М.: Наука, 1998.
11. Шер Я.А., Вишняцкий Л.Б., Бледнова Н.С. Происхождение знакового поведения. — М.: Научный мир, 2004.
12. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. — М.: Языки славянской культуры, 2004.
13. Сепир Э. Коммуникация // Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. — М.: Прогресс-Универс, 1993. С. 210–215.
14. Хренов Н.А. Культура в эпоху социального хаоса. — М.: Эдиториал УРСС, 2002.
15. Синергетическая парадигма. Человек и общество в условиях нестабильности / Сост. и отв. ред. О.Н. Астафьева. — М.: Прогресс-Традиция, 2003.
16. Левинсон А. Опыт социографии: Статьи. — М.: Новое лит. обозрение, 2004.
17. Пантин В.И. Волны и циклы социального развития: Цивилизационная динамика и процессы модернизации. — М.: Наука, 2004.
18. Мириманов В.Б. Императив стиля. — М.: РГГУ, 2004.
19. Розов С.М. Дарвинизм и эпистемология: генетика и меметика // На теневой стороне. Матер. к истории семинара М.А. Розова по эпистемологии и философии науки в Новосибирском Академгородке. — Новосибирск: НГУ, 1996. С. 311–338.
20. Лефевр В.А. Алгебра совести. — М.: Когито-Центр, 2003.
21. Иванов Вяч.И. О веселом ремесле и умном веселии // Иванов Вяч.И. Лик и личины России: Эстетика и литературная теория. — М., 1995. С. 154–171.
22. Пойзнер Б.Н. «Штемпелеванная культура» Андрея Белого через призму категорий дискретности и непрерывности // Цифровые методы и технологии: Материалы междунар. научной конф. (10–12 ноября 2005 г., г. Таганрог). Ч. 1. — Таганрог: Антон, ТРТУ, 2005. С. 60–64.
23. Бахтин Н.М. Антиномия культуры // Бахтин Н.М. Из жизни идей / Сост., коммент, послесл. С.Р. Федякин; ред. А.Е. Махов. — М.: Лабиринт, 1995. С. 39–47.
24. Бойм С. Общие места: Мифология повседневной жизни. — М.: Новое литературное обозрение, 2002.
25. Моркина Ю.С. Что есть культура и как она объясняется // Эпистемология & философия науки. 2005. Т. 5. № 3. С. 243–247.

26. Розов Н.С. Структура цивилизации и тенденции мирового развития. — Новосибирск: Изд-во НГУ, 1992.
27. Дингес М. Историческая антропология и социальная история: через теорию «стиля жизни» к «культурной истории повседневности» // Одиссей. Человек в истории. — М.: Наука, 2000. С. 96–124.
28. Мосс М. Техники тела // Человек. 1993. № 2. С. 64–79.
29. Бурдые П. Структуры, *Habitus*, Практики // Современная социальная теория: Бурдые, Гидденс, Хабермас: Учеб. пособие. — Новосибирск: Изд-во Новосибир. ун-та, 1995. С. 16–31.
30. Кудрин Б.И., Розин В.М. Разговор технария и гуманитария в поезде «Томск – Москва» о философии технетики и не только о ней. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005.
31. Щапова Ю.Л. Введение в вещеведение: естественнонаучный подход к изучению древних вещей: Учеб. пособие. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000.
32. Библихин В.В. Витгенштейн: смена аспекта. — М.: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2005.
33. Хархордин О. Фуко и исследование фоновых практик // Мишель Фуко и Россия: Сб. ст. / Под ред. О. Хархордина. — СПб.; М.: Европейский университет в Санкт-Петербурге; Летний сад, 2001. С. 46–81.
34. Батыгин Г.С. Континуум фреймов: социологическая концепция Ирвинга Гофмана // Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. — М.: Ин-т социологии РАН, 2004.
35. Красных В.В., Гудков Д.Б., Захаренко И.В. Теоретические положения. Принципы описания // Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь: Вып. 1 / И.С. Брилева, Н.П. Вольская, Д.Б. Гудков и др. — М.: Гнозис, 2004. С. 7–56.
36. Троицкий В.П. «Как наречешь, так и обречешь» (Ономатодоксия в творческой биографии Вячеслава Иванова) // Вячеслав Иванов — творчество и судьба: К 135-летию со дня рождения / Сост. Е.А. Тахо-Годи. — М.: Наука, 2002. С. 81–87.
37. Пеньковский А.Б. Нина. Культурный миф золотого века русской литературы в лингвистическом освещении. — М.: Индрик, 2003.
38. Осповат А. Именование героя «Капитанской дочки» // Лотмановский сборник. 3 / Под ред. Л.Н. Киселевой, Р.Г. Лейбова, Т.Н. Фрайман. — М.: ОГИ, 2003. С. 261–269.
39. Тарасенко В.В. Фрактальная семиотика: наблюдатель в масштабах языка // Синергетическая парадигма. Человек и общество в условиях нестабильности. — М.: Прогресс-Традиция, 2003.
40. Пелипенко А.А. Генезис смыслового пространства и онтология культуры // Человек. 2002. № 2. С. 6–21.
41. Савин М.Г. Культурон — космический носитель культуры // Человек. 2002. № 5. С. 165–172.
42. Кнабе Г.С. Вторая память Мнемозины // Вопросы литературы. 2004. Январь – февраль. С. 3–24.
43. Рашкофф Д. Медиавирус: Как поп-культура тайно воздействует на ваше сознание. — М., 2003.
44. Броуди Р. Психические вирусы: Как программируют ваше сознание. — М.: Поколение, 2006.

45. Розов М.А. Знание как объект исследования. Воспоминания о работе новосибирского семинара (1963–1980) // Вопросы философии. 1998. № 1. С. 89–109.
46. Чайковский Ю.В. Познавательные модели, плюрализм и выживание // Путь: Международный философский журнал. 1992. № 1. С. 62–108.
47. Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики / Сост. Д.Г. Лахути, В.Н. Садовского и В.К. Финна; Пер. Д.Г. Лахути; Вступ. статья и общая редакция В.Н. Садовского; Послесловие В.К. Финна. — М.: Эдиториал УРСС, 2000.
48. Касавин И.Т. Традиции и интерпретации: Фрагменты исторической эпистемологии. — М.; СПб: Изд-во РХГИ, 2000.
49. Гинзбург К. Мифы — эмблемы — приметы: Морфология и история: Сб. ст. / Послесл. С.Л. Козлова. — М.: Новое издательство, 2003.